

Староверова Ирина Владимировна

канд. социол. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Государственный университет по землеустройству»

г. Москва

DOI 10.31483/r-166761

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК КВАЗИСУБЪЕКТ СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

***Аннотация:** в статье предлагается понятие «квазисубъекта» для описания особого статуса генеративного искусственного интеллекта (ИИ) в социальных отношениях. В отличие от традиционного инструмента, ИИ воспринимается пользователями как участник коммуникации: к нему обращаются за советом, на него ссылаются как на источник аргументов, ему приписывают понимание и позицию, однако ИИ не обладает личностью, целями, интересами и способностью нести ответственность – то есть не является субъектом в социологическом смысле. Для описания этого разрыва между восприятием и онтологическим статусом вводится категория «квазисубъекта» – элемента социальных отношений, с которым обращаются как с субъектом, хотя субъектом он не является. Показано, что появление квазисубъектов меняет распределение ответственности, доверия и авторства в социальных институтах, особенно в образовании.*

***Ключевые слова:** искусственный интеллект, квазисубъект, субъектность, социальные отношения, образование, ответственность, антропоморфизм.*

Распространение генеративных нейросетей (ChatGPT, DeepSeek, YandexGPT и др.) создаёт на наших глазах новую социальную реальность – современные исследования фиксируют, что пользователи всё чаще воспринимают ИИ не просто как инструмент, а как полноценного участника коммуникации [4, с. 335–338; 5, с. 228–230]. Пользователь не просто применяет ИИ как калькулятор или поисковую систему – он вступает с ним в диалог, просит совета, уточняет, спорит, благодарит. В повседневной речи закрепляются характер-

ные речевые маркеры: «нейросеть сказала», «ChatGPT считает», «я попросил его проверить». Студент на семинаре может парировать аргумент преподавателя фразой «а вот ChatGPT говорит...» – и эта апелляция к «мнению» машины функционирует в учебной аудитории как аргумент к авторитету.

Форма взаимодействия с ИИ воспроизводит диалог, хотя за ней не стоит общение в человеческом смысле, большие языковые модели создают иллюзию понимания, которая не подкреплена реальным пониманием [3, с. 616–618]. Генеративный ИИ имитирует личность, но не является таковой с точки зрения психологии, а с точки зрения социологии не может являться субъектом социального действия: она не обладает биографией, ценностными ориентациями, самосознанием, жизненным и социальным опытом, способностью рефлексировать последствия своих действий, а также нормативно эти действия осмысливать. Однако в реальной коммуникативной практике пользователи систематически обращаются с нейросетью так, как если бы она была субъектом. Эта ситуация зафиксирована и эмпирически: масштабный опрос российских студентов, проведённый в 2024 году, показал, что более 80% обучающихся уже используют генеративные нейросети в учебных целях, однако навыки критической оценки машинного ответа остаются дефицитом [4, с. 345–348]. А систематический обзор исследований ИИ в высшем образовании подтверждает, что педагогическая рефлексия этого феномена пока отстаёт от скорости его распространения [8, с. 17–22].

Этот разрыв между социальным восприятием и онтологическим статусом порождает концептуальный вызов для социологии. Как назвать элемент, который воспринимается как участник взаимодействия, но не обладает ни личностью, ни собственной интенцией, ни способностью нести ответственность за результат – именно этот вопрос мы рассматриваем в настоящей статье.

Квазисубъект: обоснование понятия.

Классическая социологическая традиция связывает категорию субъектности с наличием целей, интересов, способности к рефлексии и ответственности за свои действия [1, с. 5–15]. Будь то индивидуальный или коллективный субъект

ект (государство, организация, профессиональное сообщество) – за ним всегда стоят человеческие потребности, механизмы артикуляции интересов и формы ответственности, однако генеративный ИИ принципиально отличается от таких субъектов: его «ответы» не являются выражением собственного интереса или коллективной воли, а представляют собой результат работы алгоритма, обученного на массивах человеческих текстов и управляемого запросом пользователя. ИИ может воспроизводить разные позиции, но не имеет своей. Он может сформулировать цель, но сам не имеет цели. Нейросеть может написать текст об ответственности, но не в состоянии взять на себя ответственность. Она может создать умный и даже содержательный текст, но не в состоянии сама его осмыслить – она лишь «угадывает» статистически наиболее вероятную конструкцию.

Э. Гидденс показал, что доверие к абстрактным системам, основано не на понимании их устройства, а на уверенности в работе обеспечивающих институтов [9, с. 79–85], меж тем в случае с ИИ такая институциональная «страховка» отсутствует, поскольку пользователь доверяет ответу нейросети, не имея возможности адресовать претензию его «автору» – ни самой программе, ни людям, создавшим и обслуживающим её, компания-разработчик не отвечает за содержание ответов. Это создаёт ситуацию асимметричного доверия, которая и делает понятие квазисубъекта особенно востребованным.

Вместе с тем, в реальном социальном взаимодействии ответ нейросети начинает использоваться как мнение, её замечания – как рецензия, её формулировки – как интеллектуальное соавторство. Возникает ситуация, которую невозможно описать ни как «использование инструмента», ни как «взаимодействие с субъектом». Социологическая рефлексия этого феномена пока остаётся недостаточно разработанной [2, с. 581–583]. Для обозначения этого промежуточного статуса генеративного ИИ автор предлагает понятие квазисубъекта – элемента социальных отношений, который воспринимается участниками как субъект и выступает в социальных практиках взаимодействия как субъект, но при этом сам не обладает необходимыми основаниями субъектности. Квазисубъектность – это не внутреннее свойство машины, а социальный статус, воз-

никающий на пересечении трёх факторов: технологического (модель способна производить связные, адаптивные, диалогические ответы), психологического (человек склонен видеть за осмысленной речью намерение и понимание) и социокультурного (образовательная, профессиональная или иная среда включает этот новый элемент в уже существующие практики).

Введение понятия «квазисубъект» позволяет избежать двух крайностей: с одной стороны, антропоморфизации ИИ (некритического приписывания машине человеческих качеств), но с другой стороны, и редукции ИИ к нейтральному техническому средству (когда игнорируется уже возникшая социальная практика обращения с ним как с участником коммуникации).

Квазисубъект в образовательной ситуации.

Наиболее ярко феномен квазисубъектности проявляется в образовательном процессе, что обусловлено особенностями социально-демографического состава возникающих здесь отношений. Если раньше образовательная ситуация описывалась триадой «преподаватель – студент – группа», то теперь в неё встраивается четвёртый элемент. Студент оказывается в аудитории уже после взаимодействия с нейросетью (в рамках подготовки домашнего задания) либо взаимодействует с ней прямо на занятии. ИИ готовит план ответа, помогает написать черновой вариант текста, подобрать список литературы. Часто студент уверен, что в его ответе все идеально, ведь «нейросеть проверила».

Для молодых людей, находящихся на этапе активного формирования личности, ИИ становится особенно привлекательным собеседником, ведь он не устаёт, не критикует, идеально подстраивается под запрос и под манеру общения пользователя. Исследования показывают, что ценности общения в молодой среде претерпевают значительные изменения под влиянием цифровых технологий [6, с. 22–26], можно предположить, что распространение ИИ усиливает этот тренд – взаимодействие с ИИ становится частью повседневного коммуникативного опыта, и в результате может формироваться иллюзия понимания там, где понимания нет, и безоговорочное доверие к тому, что такого доверия не заслуживает.

Работы, анализирующие будущее образования в эпоху ИИ, подчёркивают, что ключевым вызовом становится не запрет технологий, а формирование у студентов метакогнитивных навыков – способности управлять собственным обучением и оценивать достоверность информации, получаемой от нейросети [7, с. 60–85]. Признание ИИ квазисубъектом не означает отказа от его использования в образовании, напротив, оно требует создания таких педагогических условий, при которых студент осознаёт природу «собеседника» и сохраняет позицию управляющего, а не подчиняющегося, что может быть достигнуто лишь легализацией и введением правил использования, а не запретом. Вопросы академической честности и ответственного использования ИИ в учебном процессе уже активно обсуждаются исследователями [5, с. 234–237]. Конкретные методики, позволяющие реализовать такой подход (например, «трёхслойное эссе» и «ИИ-рецензент»), разработаны и апробированы автором [10] и составляют отдельную тему для публикаций.

Заключение.

Таким образом, введение понятия «квазисубъект» в отношении генеративного ИИ решает не только терминологическую задачу. Оно позволяет зафиксировать парадоксальный статус ИИ в современных социальных практиках: не будучи субъектом, он функционирует как субъект, потому что люди вступают с ним в соответствующие отношения. Дальнейшая разработка этой проблематики предполагает анализ нормативных последствий (трансформация норм авторства и перераспределение ответственности), эмпирические исследования восприятия ИИ различными социальными группами и разработку педагогических стратегий формирования «культурного иммунитета» к антропоморфизации нейросетей.

Список литературы

1. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция / Ж. Бодрийяр; пер. с фр. А. Качалова. – М.: ПОСТУМ, 2015. – 320 с.
2. Резаев А.В. Искусственный интеллект как проблема современной социальной аналитики / А.В. Резаев, Н.Д. Трегубова // Вестник Российского универ-

ситета дружбы народов. Серия: Социология. – 2019. – Т. 19. №3. – С. 581–586. DOI 10.22363/2313-2272-2019-19-3-581-586. EDN WTXICF

3. On the Dangers of Stochastic Parrots: Can Language Models Be Too Big? / E.M. Bender, T. Gebru, A. McMillan-Major, S. Shmitchell // Proceedings of the 2021 ACM Conference on Fairness, Accountability, and Transparency. – New York, 2021. – P. 610–623.

4. Российские студенты о возможностях и ограничениях использования искусственного интеллекта в обучении / И.А. Алешковский, А.Т. Гаспаришвили, О.В. Крухмалева [и др.] // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. – 2024. – Т. 24. №2. – С. 335–353. DOI 10.22363/2313-2272-2024-24-2-335-353. EDN OAUOBV

5. Cotton D.R.E. Chatting and Cheating: Ensuring Academic Integrity in the Era of ChatGPT / D.R.E. Cotton, P.A. Cotton, J.R. Shipway // Innovations in Education and Teaching International. – 2024. – Vol. 61. No. 2. – P. 228–239.

6. Зубок Ю.А. Динамика ценностей общения в коммуникативном пространстве молодежи / Ю.А. Зубок, Е.В. Чанкова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2022. – №1. – С. 18–30. DOI 10.21685/2072-3016-2022-1-2. EDN WMHQDW

7. Luckin R. Machine Learning and Human Intelligence: The Future of Education for the 21st Century / R. Luckin. – London: UCL Institute of Education Press, 2018. – 160 p.

8. Systematic review of research on artificial intelligence applications in higher education – where are the educators? / O. Zawacki-Richter, V.I. Marín, M. Bond, F. Gouverneur // International Journal of Educational Technology in Higher Education. – 2019. – Vol.16. – Article 39. DOI 10.1186/s41239-019-0171-0. EDN HQOQKY

9. Гидденс Э. Последствия современности / Э. Гидденс. – М.: Практикс, 2011. – 352 с.

10. Староверова И.В. Искусственный интеллект на занятии: практические модели развития критического мышления студентов / И.В. Староверова // Передовой педагогический опыт в современном образовательном пространстве: материалы VII Междунар. науч.-практ. конф. – Армавир: АГПУ, 2025.